

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-77-84
УДК 32(045)

Влияние институционального фактора на динамику электоральной подвижности в посткоммунистических странах Европы

С.Л. Чепель

Финансовый университет, Москва, Россия; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается влияние институционального фактора на динамику электоральной подвижности в посткоммунистических странах Европы. В качестве институциональных переменных выбраны партийная и избирательная системы. Отмечается, что заметное влияние на уровень мобильности электората в рассматриваемой группе стран оказывает не сегментация, а поляризация партийных систем. Подчеркивается, что небольшая идеологическая дистанция между партиями, конкурирующими на электоральном поле, препятствует формированию устойчивой партийной идентификации избирателей и это способствует росту электоральной подвижности. Автор приходит к выводу, что институциональный фактор в целом ограниченно влияет на динамику смены партийных предпочтений избирателей. Поэтому следует признать, что преимущественное воздействие на электоральное поведение граждан посткоммунистических стран Европы продолжает оказывать фактор политической культуры.

Ключевые слова: электоральная подвижность; посткоммунистические страны; партийная идентификация; партийная система; избирательная система

Для цитирования: Чепель С.Л. Влияние институционального фактора на динамику электоральной подвижности в посткоммунистических странах Европы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):77-84. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-77-84

ORIGINAL PAPER

The Impact of Institutional Factor on the Dynamics of Electoral Volatility in Post-Communist Countries of Europe

S.L. Chepel

Financial University, Moscow, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article examines the influence of the institutional factor on the dynamics of electoral volatility in post-communist European countries. The party and electoral systems were chosen as institutional variables. It is noted that a noticeable influence on the level of electoral mobility in the group of countries under consideration is not segmentation, but polarization of party systems. The author emphasizes that the small ideological distance between the parties competing in the electoral field hinders the formation of stable party identification of voters, which contributes to the growth of electoral volatility. The author comes to the conclusion that the institutional factor as a whole has a limited effect on the dynamics of changing party preferences of voters. Therefore it should be recognized that the factor of political culture continues to have a predominant impact on the electoral behavior of citizens of post-communist European countries.

Keywords: electoral volatility; post-communist countries; party identification; party system; electoral system

For citation: Chepel S.L. The impact of institutional factor on the dynamics of electoral volatility in post-communist countries of Europe. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):77-84. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-77-84

Условием стабильного функционирования механизма представительного правления выступает, как известно, устойчивая партийная идентификация избирателей. Объективными критериями ее оценки следует признать направленность и интенсивность электоральной подвижности как процесса смены партийных предпочтений граждан от одних парламентских выборов к другим. В этой связи одной из важных исследовательских задач был и остается ответ на вопрос: какой фактор — культурный либо институциональный — оказывает преимущественное воздействие на динамику мобильности электората? Безусловно, причинно-следственная связь между массовыми ценностями и политическими институтами всегда была одной из наиболее дискуссионных проблем в политической науке. Но интерес политологов к этому вопросу усилился в последней трети XX в. в связи с так называемой «третьей волной» демократизации, охватившей десятки стран мира, значительно различавшихся в плане социально-экономического и культурного развития. В процессе изучения многочисленных примеров политической трансформации бывших диктатур обозначились два подхода: структурный и процедурный. Сторонники структурного подхода настаивали на том, что возникновение и стабилизация демократических режимов возможны лишь при условии зрелости благоприятных объективных предпосылок в виде относительно сложившихся: рыночной экономики, дифференцированной социальной структуры, гражданских ценностных ориентаций. В частности, широко известны суждения Р. Инглхарта о том, что только заметное распространение в массовом сознании ценностей самовыражения может способствовать успешному развитию «новых демократий», так как граждане, дорожающие своими правами и свободами, рассматривают именно демократические институты в качестве их главного гаранта. Такая гражданская компетентность формируется в результате устойчивого рыночного экономического роста, обеспечивающего повышение материальной, когнитивной и социальной эмансипации массовой личности, которая, ощущая свою возрастающую самостоятельность, склонна высоко ценить политическое участие и свободу выбора. При этом утверждалось, что создание и функционирование даже вполне дееспособных демократических институтов не может привести к последовательному усвоению обществом новой для него гражданской политической

культуры. Ссылаясь на опыт развития посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы и стран бывшего СССР, Р. Инглхарт указывал на то, что в большинстве из них принятие новых конституций и иных политических норм, закрепивших основы демократического политического процесса, не привело к широкому распространению в массовом сознании демократических ценностей. «Даже наилучшим образом сконструированным институтам, — подчеркивал он в этой связи, — необходима совместимость с преобладающей в обществе культурой» [1, с. 234]. Сторонники процедурного подхода, напротив, полагали, что решения и действия политических элит, обеспечивающие создание стабильно функционирующей системы демократических институтов, ведут к возникновению массовой гражданской культуры за счет выработки навыков участия в демократических процедурах в первую очередь в конкурентном электоральном процессе. На этот механизм стабилизации молодых демократических режимов обращал внимание еще классик теории транзита Д. Растоу, выделивший в процессе перехода к демократии, наряду с другими этапами, и фазу привыкания. «Суть демократии, — писал он, — в привычке к постоянным спорам и примирениям по постоянно меняющемуся кругу вопросов и при постоянно меняющейся расстановке сил» [2, с. 15].

Можно утверждать, что изучение «третьей волны» демократизации во многом способствовало возрождению интереса к институциональному анализу после длительного периода доминирования в политических исследованиях поведенческого подхода, с позиции которого государственно-политические институты представлялись в основном организационной формой выражения и реализации меняющихся общественных запросов, а не инструментом проектирования и трансформации социальной среды. Действительно, в подавляющем большинстве стран — участниц «третьей волны» к моменту кризиса и распада диктатур объективные социально-экономические и культурные предпосылки, благоприятствующие переходу к демократии, либо отсутствовали, либо были выражены ограниченно. Тем не менее массовый переход к демократическим режимам произошел, хотя качество «новых демократий» и сегодня, в начале XXI в., заметно различается. Иными словами, следует признать, что на первом этапе развития молодых демократий ключевую роль в деле их стабилизации сыграли политические институты,

которые оказывали воздействие на выбор (как элитами, так и массами) адекватных ситуации перехода к демократии форм политического поведения. Неспособность теории политической культуры дать убедительное объяснение возникновению демократических режимов в большинстве стран — участниц «третьей волны» стала одной из причин методологического обновления политической науки, выразившегося в повороте к так называемому неинституциональному подходу. Не отрицая значимости влияния социального контекста на развитие политического процесса, представители неинституционализма, тем не менее, отказались от социального детерминизма, настаивая на том, что государственно-политические институты автономны и играют самостоятельную роль в организации общественной жизни, в том числе и в деле направления политического поведения граждан «новых демократий» в русло конкурентной политики. Как отмечали еще в середине 1980-х гг., т.е. в разгар «третьей волны» демократизации, Дж. Марч и Й. Олсен, «политическая демократия зависит не только от экономических и социальных условий, но и от дизайна политических институтов» [3, р. 738]. Таким образом, если в период обладания поведенческого подхода политические институты рассматривались в качестве зависимой переменной, объясняемой действием набора объективных социальных факторов, то в рамках неинституционализма они уже интерпретировались как независимая переменная, способная объяснять развитие социальных процессов.

Следует заметить, что возрождение интереса к политическим институтам являлось частным проявлением роста популярности институционального подхода в социальных исследованиях в конце XX в. Изучение общественных процессов давало немало свидетельств того, что направления и динамика их развития объясняются в большей степени действиями институтов, чем влиянием социокультурного или социально-экономического контекстов. Основной принцип неинституционального анализа был сформулирован Д. Нортон, по мнению которого институты — «это “правила игры” в обществе ...они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия — будь то в политике, социальной сфере или экономике» [4, с. 17]. Иными словами, существующие институты навязывают участникам социальных взаимодействий логику поведения в конкретной ситуации, в том числе и в политической, вынуждают их, приспособившись к «правилам игры», ме-

нять свои предпочтения и тем самым в некоторой степени формируют эти предпочтения. Поэтому в статье предпринята попытка выявить степень влияния институционального фактора на динамику электоральной подвижности в посткоммунистических государствах Европы, учитывая прежде всего то, что именно в посттоталитарных обществах наблюдаются наиболее высокие показатели мобильности избирателей. Согласно имеющимся данным среднее значение индекса электоральной подвижности составило: в Западной Европе и США в период 1945–2005 гг. — 10,7%, в странах Латинской Америки в период 1983–2005 гг. — 26,4%, в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы и постсоветского пространства в период 1990–2005 гг. — 43,6% [5, р. 4]. К этому следует добавить, что интерес к проблеме влияния институционального устройства политической системы на динамику смены партийных предпочтений избирателей связан с тем, что именно политические институты являются наиболее привлекательными объектами политической инженерии.

В качестве кейсов для изучения были избраны политические системы таких европейских посткоммунистических стран, как Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Чехия и Эстония. Выбор данной группы стран обусловлен заметной схожестью их политических культур. Общества в этих государствах до Второй мировой войны получили хотя и ограниченный, но все же определенный опыт участия в демократическом политическом процессе. В послевоенный период, став частью системы так называемого «социалистического содружества», они находились в ее составе непродолжительный период и частично сохранили элементы плюрализма социально-экономической жизни. Вместе с тем политика построения социалистического общества в этих государствах привела к стиранию тех фундаментальных социальных размежеваний, которые в европейских странах закладывали основы партийной идентификации граждан. Являясь довольно близкими в политико-культурном измерении, политические системы рассматриваемых стран заметно различаются в институциональном плане, что дает возможность выяснить степень влияния институционального фактора на динамику электоральной подвижности. В качестве институциональных переменных в статье рассматриваются партийная и избирательная системы (табл. 1).

В сравнительных исследованиях партийных систем широко используются предложенные Дж. Сартори критерии их классификации: степень сегмен-

**Индексы электоральной подвижности на парламентских выборах в период 2011–2022 гг., % /
Electoral volatility indices in parliamentary election in period 2011–2022, %**

Страна / Годы	2011–2019		2015–2022		Страна / Период	2011–2019	2015–2022
Венгрия 1 многомандатные округа 2 одномандатные округа	1 16,9	2 15,3	1 46,5	2 49,1	Польша	32,3	48,9
Латвия	40,8		48,1		Чехия	31,3	48,9
Литва 1 многомандатные округа 2 одномандатные округа	1 39,9	2 39,2	1 24,1	2 23,2	Эстония	19,8	17,0

Источник / Source: рассчитано автором по: www.parties-and-elections.eu; www.electionguide.org; www.electionresources.org / calculated by the author from: www.parties-and-elections.eu; www.electionguide.org; www.electionresources.org

тации — число партий, действующих на политической арене, и степень поляризации — величина идеологической дистанции между партиями на лево-правом континууме. Отмечая, что количество партий влияет как на тактику партийной конкуренции, так и на формирование правительственных коалиций, он подчеркивал, что классификация партийных систем только на основе количественного измерения не раскрывает их сущности. «Решение, — писал Дж. Сартори, — заключается в проверке сегментированных политий с помощью идеологической переменной» [6, р. 111]. На первый взгляд может показаться, что рост числа партий, участвующих в электоральной борьбе за власть, предполагает и увеличение идеологической дистанции между ними, а значит, и усиление поляризации партийной системы. Однако опыт функционирования западноевропейских партийных систем не подтверждает это предположение. Так, в ряде государств действуют развернутые многопартийные системы, в идеологическом плане центростремительного типа, т.е. умеренно поляризованные. В то же время есть и примеры ограниченных многопартийных систем идеологически центробежного характера, т.е. выражено поляризованных. Поэтому в статье сегментация и поляризация партийных систем используются как две отдельные переменные, воздействующие на уровень электоральной подвижности.

С теоретической точки зрения следовало бы ожидать усиления электоральной подвижности по мере роста числа партий, входящих в партийную систему. Чем больше партий, тем больше возмож-

ностей выбора у избирателей, а следовательно, и выше вероятность смены партийных предпочтений. Возникновение новых партий также означает появление у избирателей политических альтернатив их прежнему партийному выбору. Ограниченное же число партий, формирующих стабильную партийную систему, объективно сужает пространство для маневра избирателя на электоральном поле. На связь роста количества партий и усиления мобильности избирателей указывал и датский исследователь М. Педерсен, который первым в конце 1970-х гг. предложил формулу расчета индекса электоральной подвижности. Что касается поляризации партийных систем, то теоретически ее усиление должно способствовать снижению уровня электоральной подвижности. Чем больше идеологическая дистанция, разделяющая партии, тем отчетливее просматриваются их политические цели и тем проще избирателю определить, какая из партийных программ ему наиболее близка, что в целом содействует укреплению партийно-групповых связей. На значимую роль идеологий в деле ориентации электорального поведения избирателя обращал особое внимание еще Э. Даунс, по мнению которого они «помогают ему акцентировать внимание на различиях между партиями, поэтому их можно использовать в качестве образцов всех различающихся позиций» [7, р. 141]. В условиях же нечеткости идеологического размежевания между партиями внимание избирателей может смещаться от содержания партийных программ к имиджу кандидатов, что повышает вероятность смены партийных предпочтений электората.

Таблица 2 / Table 2

Индексы эффективного числа электоральных партий на парламентских выборах в период 2011–2022 гг. / Indices of the effective number of parties votes in parliamentary election in period 2011–2022

Страна	ENPV Парламентские выборы	Страна	ENPV Парламентские выборы	Страна	ENPV Парламентские выборы
Венгрия	2014 г. – 3,2 2018 г. – 3,3 2022 г. – 2,4	Литва	2012 г. – 8,3 2016 г. – 7,4 2020 г. – 7,8	Чехия	2013 г. – 7,7 2017 г. – 6,9 2021 г. – 5,2
Латвия	2014 г. – 5,7 2018 г. – 8,3 2022 г. – 10,8	Польша	2011 г. – 3,7 2015 г. – 4,5 2019 г. – 3,3	Эстония	2011 г. – 4,7 2015 г. – 5,1 2019 г. – 5,1

Источник / Source: рассчитано автором по: www.parties-and-elections.eu; www.electionguide.org; www.electionresources.org / calculated by the author from: www.parties-and-elections.eu; www.electionguide.org; www.electionresources.org

Для определения уровня сегментации партийных систем в странах изучаемой группы в статье используется индекс эффективного числа партий М. Лааксо и Р. Таагеперы применительно к избирательному процессу, т.е. речь идет об эффективном числе электоральных партий (Effective number of parties votes ENPV) (табл. 2).

Сравнение данных табл. 1 и 2 лишь ограниченно подтверждает предположение о том, что изменение количества партий, действующих на политической арене рассматриваемой группы стран, влияет на уровень мобильности электората. Действительно, в Латвии значительный рост индекса ENPV сопровождался повышением индекса электоральной подвижности, а в Литве, напротив, незначительному снижению индекса ENPV сопутствовало уменьшение индекса электоральной подвижности. В то же время, несмотря на сокращение эффективного числа партий, в Венгрии, Польше и особенно в Чехии наблюдался рост уровня мобильности избирателей. В Эстонии же слабый рост индекса ENPV сочетался со снижением индекса электоральной подвижности. Партийные системы изучаемых стран различаются и по уровню поляризации. На основе данных опросов избирателей стран разных регионов мира в период 2016–2021 гг., представленных международным исследовательским проектом Comparative Study of Electoral Systems (CSES), О. ван дер Винн произвел расчеты индексов поляризации, используя шкалу от 0 до 10, где теоретически 0 означает одинаковые идеологические позиции всех партий, а 10 — крайние противоположные идеологические позиции крупных партий. При этом порог, после которого поляризация начинает угрожать политической стабильности, был определен исследо-

вателем в 5,25. Согласно данным О. ван дер Винна индекс поляризации в 2020 г. составил в Венгрии 5,08, в Латвии — 4,73, в Литве — 3,97, в Польше — 4,69, в Чехии — 5,01, в Эстонии — 4,19 [8, p. 63]. Таким образом, для партийных систем изучаемых стран характерна умеренная степень поляризации. Сравнение этих показателей и индексных значений электоральной подвижности (табл. 1) в основном подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что небольшая идеологическая дистанция между партиями способствует сохранению высокого уровня мобильности избирателей. Однако исключением выступают случаи Эстонии и Литвы, где умеренный и низкий уровни поляризации сочетались с низкими значениями показателей электоральной подвижности. Оценивая роль сегментации и поляризации партийных систем как факторов смены электоральных предпочтений избирателей рассматриваемой группы стран, можно согласиться с утверждением Р. Далтона о том, что в анализе партийных систем «ключевой переменной является поляризация, а не количество партий» [9, p. 915]. В этой связи необходимо напомнить, что в ходе посткоммунистической трансформации руководители всех стран Центральной и Восточной Европы и Балтии столкнулись с однотипными вызовами в виде необходимости проведения радикальных экономических и социальных реформ, а также включения в общеевропейские политические и экономические структуры. Думается, что понимание серьезного значения данных вызовов «привело к возникновению идейного консенсуса ведущих партийных элит по поводу стратегической линии развития посткоммунистических “новых демократий”» [10, с. 17]. По-видимому, эти обстоятельства

оказали определенное сдерживающее воздействие на процесс идеологической поляризации партийных систем стран ЦВЕ и Балтии. Однако в условиях небольшой идеологической дистанции между партиями главным средством привлечения внимания избирателей становится их организационная трансформация. В большинстве изучаемых стран, хотя и с разной степенью интенсивности, наблюдается постоянный процесс изменения состава партийных систем от одних парламентских выборов к другим. Такая структурная неустойчивость, дезориентирующая избирателей, безусловно, способствовала сохранению высоких значений показателей электоральной подвижности. Как весьма точно заметили в этой связи И. Дежегере и Р. Дассонвилль, «если партия раскалывается или сливается между двумя выборами, у избирателя действительно нет другого выбора, кроме как “измениться”» [11, р. 9].

Отражая особенности политической культуры общества, сегментация и поляризация партийной системы являются в то же время результатом действующих электоральных правил. Как свидетельствует историческая практика, когда-то принятые избирательные системы весьма стабильны, что вынуждает партии подстраивать под них свою политическую стратегию и тактические действия, а избирателей — выбирать модель своего электорального поведения. Поэтому можно предполагать, что тип избирательной системы как способ перевода итогов голосования в виде количества поданных за партии голосов избирателей в результаты выборов в виде распределения парламентских мест между партиями оказывает существенное влияние на динамику электоральной подвижности. Определяя направления этого влияния, следует выделить два аспекта. Насколько тип избирательной системы способствует, во-первых, повышению либо снижению партийной идентификации избирателей, а во-вторых, усилению либо ослаблению их стратегического голосования. С теоретической точки зрения устойчивая партийная идентификация граждан формируется в результате применения пропорциональной избирательной системы, которая предполагает голосование за партийные списки, а не за кандидатов, что должно содействовать деперсонализации выбора избирателя и ориентировать его на поиск наиболее близкой ему партийной программы. Тем самым укрепляется партийная приверженность избирателей, а значит, снижается уровень электоральной подвижности. В условиях же применения плюральной или мажоритарной

избирательных систем, предполагающих голосование за кандидатов, избирательная кампания нередко строится вокруг обсуждения их личных качеств, что может отодвигать на второй план дискуссию относительно политических альтернатив развития общества. В такой ситуации следует ожидать неустойчивости партийной идентификации граждан, а следовательно, и повышения уровня мобильности электората. Стратегическое голосование, как известно, представляет собой тактику электорального поведения избирателя, стремящегося, поддерживая наиболее вероятного победителя, максимально рационально использовать свой голос, даже если этот кандидат не особенно близок ему в идеологическом плане. Поэтому теоретически повышение уровня стратегического голосования должно способствовать росту электоральной подвижности. К голосованию «с пользой» избирателя подталкивают плюральная и мажоритарная системы, при которых используются одномандатные избирательные округа. Напротив, пропорциональная система, при которой выборы проходят в многомандатных избирательных округах, не способствует усилению стратегического голосования. Предоставляя реальный шанс даже небольшим партиям получить места в парламенте, она дает избирателю возможность поддержать наиболее близкую ему партию, не опасаясь, что его голос будет потрачен впустую. Таким образом, теоретически — как в плане повышения партийной идентификации избирателей, так и в смысле ослабления их стратегического голосования — именно пропорциональная избирательная система должна содействовать снижению уровня мобильности электората. Однако данные, представленные в *табл. 1*, вынуждают отвергнуть это предположение. Из стран, где применяется пропорциональная система с открытыми списками и с 5%-ным заградительным барьером, только в Эстонии имел место низкий уровень электоральной подвижности (17%). В Латвии, Польше и Чехии он был, напротив, очень высокий (более 48%). Но при этом все же следует отметить, что эти страны различаются по такому важному измерению электорального процесса, как величина избирательных округов. Так, в многомандатных округах в Латвии распределяется 12–36 мандатов, в Польше — 7–20, в Чехии — 5–25, а в Эстонии — 5–14. Иными словами, существуют заметные различия по средней величине избирательных округов. Она, соответственно, составляет в Латвии 24 мандата, в Польше — 13,5, в Чехии —

15, а в Эстонии — 9,5. Сравнивая эти показатели с данными табл. 1, нетрудно заметить наличие прямой положительной корреляции между средней величиной округа и уровнем электоральной подвижности: чем выше первый показатель, тем выше и второй. Действительно, большое число разыгрываемых в избирательном округе депутатских мандатов открывает возможность новым партиям попытаться добиться парламентского представительства, что, в свою очередь, расширяет предложение партийных программ на электоральном рынке, стимулирующее повышение мобильности избирателей. Напротив, относительно небольшое число распределяемых в округе депутатских мест не позволяет новым политическим силам рассчитывать на победу и ориентирует их на блокирование с действующими относительно крупными партиями. В такой ситуации не происходит сколько-нибудь существенного роста предложения партийных программ, а значит, и роста электоральной подвижности избирателей. Подтверждением этой гипотезы служит пример Эстонии, где на протяжении длительного периода действует ограниченный и неизменный набор партий: Партия реформ Эстонии, Центристская партия Эстонии, Социал-демократическая партия Эстонии, Консервативная народная партия Эстонии, Союз Отечества.

В посткоммунистических странах ЦВЕ и Балтии на парламентских выборах не используются плюральная и мажоритарная избирательные системы, что вполне объяснимо. Распад тоталитарных режимов в этих государствах сопровождался резкой политической активизацией масс, стремившихся к созданию широкопредставительной системы правления. Поэтому в большинстве из них были приняты пропорциональная система. Однако в некоторых странах применяется смешанная избирательная система, при которой одна часть депутатского корпуса формируется в результате голосования граждан в многомандатных округах на основе принципа пропорциональности, а другая — в одномандатных округах на основе прин-

ципа большинства. Среди рассматриваемых стран такая избирательная система действует в Венгрии и Литве. С теоретической точки зрения следовало бы ожидать более высокого уровня мобильности избирателей в одномандатных округах в силу влияния фактора персонификации выбора и фактора стратегического голосования. Однако, как следует из табл. 1, значения индексов электоральной подвижности, как в Венгрии, так и в Литве, при голосовании за партийные списки в многомандатных избирательных округах и при голосовании за кандидатов в одномандатных округах очень близки или практически совпадают. Иными словами, принципиально различающиеся правила перевода итогов голосования в результаты выборов не оказывают различного воздействия на динамику смены партийных предпочтений избирателей. Более того, в ходе последовательных избирательных циклов наблюдается либо параллельный рост (Венгрия), либо снижение (Литва) значений индексов электоральной подвижности при голосовании за партийные списки и за кандидатов.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что институциональный фактор в виде партийной и избирательной системы в целом оказывает ограниченное влияние на динамику электоральной подвижности в рассматриваемых странах. Наиболее отчетливо просматривается воздействие на мобильность электората только такой переменной, как поляризация партийной системы. С одной стороны, небольшая идеологическая дистанция между политическими силами, конкурирующими в борьбе за власть, препятствует формированию устойчивой партийной идентификации избирателей. С другой стороны, незначительная идеологическая поляризация провоцирует структурную нестабильность партийных систем, что также ведет к росту электоральной подвижности. В этой связи приходится констатировать, что неустойчивость партийных предпочтений избирателей является все же преимущественно результатом влияния политической культуры, сложившейся в посткоммунистических обществах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство; 2011.
Inglehart R., Welzel K. Modernization, cultural changes and democracy. Sequence of human development. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2011. (In Russ.).
2. Раствоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели. *Политические исследования*. 1996;(5):5–15.
Rustow D. Transitions to Democracy: An Attempt at a Dynamic Model. *Politiesheskie issledovaniya = Political Studies*. 1996;(5):5–15. (In Russ.).

3. March J., Olsen J. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life. *The American Political Science Review*. 1984;78(3):734–749.
4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА»; 1997.
North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi “NACHALA”; 1997. (In Russ.).
5. Mainwaring S., Gervasoni C., Espana-Najera A. Extra-and-within-system electoral volatility. URL: <https://www.academia.edu/22310372/Extra-and-Within-system-Electoral-Volatility>
6. Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge: Cambridge University Press; 1976.
7. Downs A. An Economic Theory of Political Action in a Democracy. *The Journal of Political Econom.* 1957;65(2):135–150.
8. Van der Veen O. Political Polarization Compared: Creating a Comprehensive Index of Political Polarization. URL: https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://www.etd.ceu.edu/2021/van-der-veen_olaf.pdf&ved=2ahUKEwiPq9nY2Z79AhWCuIsKHR9YDWwQFnoECAMQAg&usg=AOvVaw0den1YfoTddVC9DOSsEYo
9. Dalton R. The Quantity and the Quality of Party Systems. Party System Polarization, Its Measurement and Its Consequences. *Comparative Political Studies*. 2008;41(7):899–920.
10. Чепель С.Л. Электоральная подвижность и стабильность партийных систем в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета* 2020;10(5):13–22.
Chepel S.L. Electoral mobility and stability of party systems in the post-communist countries of Central and Eastern Europe. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):13–22. (In Russ.).
11. Dejaeghere Y., Dassonneville R. The Impact of the Party System on Electoral Volatility. URL: https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://www.academia.edu/2502941/The_Impact_of_the_Party_System_on_Electoral_Volatility_A_Cross_Country_Analysis_of_Inter_Election_Switching&ved=2ahUKEwj_I7PvjKn9AhWFqIsKHbTtAy4QFnoECAoQAg&usg=AOvVaw2yxRfa_s72ZThr8qPdRroQ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Львович Чепель — кандидат исторических наук, доцент департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия; доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Sergey L. Chepel — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Political Sciences, Finance University, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7962-6337>

SLChepel@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.04.2023; принята к публикации 20.05.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.04.2023; accepted for publication on 20.05.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.